

СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В ТУРБУЛЕНТНОМ МИРЕ: ЦЕЛИ, ПРИОРИТЕТЫ, ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ

© 2025 г. В.А. Крюков^{а,*}, Е.А. Коломак^{а,**}

^аИнститут экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, Россия

*E-mail: kryukov@ieie.nsc.ru

**E-mail: ekolomak@academ.org

Поступила в редакцию 28.01.2025 г.

После доработки 30.01.2025 г.

Принята к публикации 03.02.2025 г.

В настоящее время происходит очень сложная и многоаспектная трансформация социально-экономической системы России. По мнению авторов, её суть состоит в поиске приемлемого сочетания уникальных условий и особенностей, которыми обладает наша страна. Обширные территории значительно влияют на все основные экономические и социальные процессы – от взаимодействия экономических агентов и направлений развития инфраструктуры до формирования специфических видов хозяйственной деятельности. Поспешное и некритическое заимствование опыта решения вопросов у других стран обострило многие проблемы пространственного развития России. Именно поэтому в условиях высокой геополитической напряжённости и усложнения цепочек поставок важно объединить пространственную, технологическую и промышленную политику. В стратегических документах в области пространственного развития необходимо отразить подходы и механизмы, обеспечивающие синергетическое взаимодействие социально-экономических систем регионов.

Ключевые слова: пространственное развитие, региональные социально-экономические системы, пространственно-распределённые цепочки создания стоимости (ценности), синергетические эффекты взаимодействия.

DOI: 10.31857/S0869587325020032, EDN: AGYBYS

Поиск современных инновационных решений и моделей роста в значительной степени связан с территорией. Каждый регион демонстрирует специфическое сочетание социально-экономических отношений, институтов, а также созданных ранее активов, культурно-исторических черт и отличительных признаков. Уникальность региональных характеристик служит отправным конкурентным преимуществом, которое в случае его поддержки может стать как источником роста местной экономики, так и основой её вклада в общий синергетический эффект для национальной экономики. Местные факторы производства в сочетании с компетенциями населения, институты, учитывающие особенности культуры, коммуникации, передачи и накопления знаний, инновации и технологии, адаптированные к локальным ресурсам, формируют важное средство развития – разнообразие. Управление освоением и расширением природно-ресурсного и социально-экономического потенциала регионов направлено на достижение поступательности и устойчивости развития страны (в настоящее время под этим часто подразумевают технологический и экономический суверенитет) [1, 2].

КРЮКОВ Валерий Анатольевич – академик РАН, директор ИЭОПП СО РАН. КОЛОМАК Евгения Анатольевна – доктор экономических наук, заместитель директора ИЭОПП СО РАН.

Стабильное социально-экономическое развитие невозможно без консолидации усилий всех регионов. Быстрый рост экономики и уровня жизни населения, обусловленный доминированием нескольких городских агломераций, не может отражать положение дел в стране в целом. Реальная динамика социально-экономического развития базируется на показателях разных регионов. Исключительно экономические процессы, вытекающие из чисто рыночных отношений, не в состоянии обеспечить нужное направление прогресса: их неотъемлемые и обязательные участники – государство и общество в лице различных объединений.

На наш взгляд, необходимо учитывать ярко выраженный эволюционный характер становления и усиления внутри- и межрегиональных взаимодействий. Этот процесс в России зачастую требует значительно больше времени, чем в случае территориально компактных экономик, с учётом особенностей которых было разработано подавляющее большинство теоретических методов, в том числе классических подходов в области размещения производительных сил и моделей новых кластерных форм взаимодействия.

В качестве главной цели пространственной политики рассматриваются уменьшение социально-экономического неравенства, гарантия определённого уровня жизни населения, комфорта и услуг, независимо от места проживания. Решение данной задачи невозможно без обеспечения экономического роста. Это, в свою очередь, предполагает достижение целей пространственного развития путём объединения географических, ресурсных, экономических и социально-культурных факторов и особенностей в результате реализации региональных производственных и инфраструктурных проектов. В сложившихся условиях речь не может идти лишь о традиционных предприятиях и росте занятости – должны создаваться высокотехнологичные производства и рабочие места. Решение проблем пространственного развития – одно из условий получения выгод от локального разнообразия и взаимодействия производителей разных регионов. Однако высокое межрегиональное неравенство препятствует раскрытию потенциала территорий, а фрагментация пространства выступает барьером для кооперации и транслирования импульсов развития от центров роста к окружению.

Позиция авторов настоящей статьи состоит в том, что активное участие государства и общества в решении проблем пространственного развития вовсе не означает возврат к директивному централизованному плановому началу – ни в виде директивных заданий, ни в форме централизованных инвестиций. Скорее наоборот – возрастает роль *индикативного планирования* и процедур взаимодействия и кооперации сторон, вовлекаемых в решение рассматриваемых проблем [3]. На наш взгляд, ключевой

инструмент пространственного развития – научно-техническая политика. Обсуждение этой темы на заседаниях президиума РАН представляется жизненно важными для России.

Пространственное развитие в мире – в центре современных научных дискуссий. Переориентация промышленности на достижение поступательности и устойчивости в стратегических секторах – элемент текущей государственной политики не только в России. В докладе Организации сотрудничества и экономического развития [4], посвящённом вопросам промышленной политики, отмечается, что её актуальность связана с необходимостью ответа на многие вызовы современности (экономические, социальные и экологические), с которыми рынок не в состоянии справиться. Одно из ключевых направлений современной промышленной политики в контексте пространственного развития – диверсификация экономики отдельных стран и регионов, не столько для реализации проектов в рамках ранее апробированных подходов, сколько для создания условий возникновения новых прорывных и наукоёмких сфер деятельности.

Согласно китайским источникам [5], инновации в значительной степени позволяют преодолеть зависимость от технологических возможностей и знаний прошлого, а также диверсифицировать и усложнить региональные знания и технологии с целью повышения роста экономики. При этом имеет место устойчивая положительная связь между исходным научно-технологическим и промышленным уровнем и региональным экономическим развитием. При объединении научно-производственных и научно-технологических ресурсов регионов возможности их перехода на новый качественный уровень становятся более реальными [6–8]. Тем не менее для создания нового производственно-экономического потенциала весьма важно поддерживать исходный технологический уровень.

С точки зрения анализа и проектирования современных высокотехнологичных направлений пространственного развития большую роль играют технологии, которые обеспечивают взаимосвязь и взаимодействие различных областей знания (*bridging technologies*) [9]. Содействуя возникновению новых связей, они направляют технологическое развитие по инновационному пути.

Целесообразен подход базовых технологий общего назначения (*general purpose technologies – GPTs*, или *key enabling technologies – KETs*), описанный в “Концепции технологий с большим инновационным или трансформационным потенциалом”. В его основе лежат идея усиления связей между разными территориями и стремление к интеграции пространственных факторов развития различных сфер экономической деятельности с виртуальной средой тех или иных продуктов и услуг [10–17]. Отличительная черта современного подхода к анализу проблем

пространственного развития – рассмотрение его как диверсификации экономики регионов в направлении непрерывного усложнения последней, а также следование в русле эволюционной парадигмы [18]. Основные особенности этого процесса – взаимосвязь, взаимодополнение, усложнение, разнообразие, диверсификация, наличие агентов структурных изменений и связанного разнообразия в лице государства и общественных организаций.

Обобщение эволюционного взгляда на пространственное развитие приводит к выводу, что динамика сложности и диверсификации региональной экономики зависит прежде всего от *институциональной среды*, которая поддерживает и направляет деятельность фирм в комплексных цепочках социальной ценности непосредственно в регионах и за их пределами [19]. В современном мире именно институциональная поддержка обуславливает региональные различия как с точки зрения имеющихся возможностей, так и с позиции перехода к инновационно-ориентированному развитию [20–23]. Природные факторы, на которых ранее базировались приоритеты пространственного развития, утрачивают свой былой безусловный приоритет под давлением новых технологий и условий их освоения и использования.

В связи с усилением диверсификации экономики вследствие институциональных и научно-технологических обстоятельств возрастает роль новых эффектов при освоении природных ресурсов [24]. Очевидно, что современный подход к реализации подобных проектов предполагает налаживание взаимовыгодного сотрудничества: расширение границ локального ресурсного сектора и совершенствование сервисного сектора как элемента формирования стратегий устойчивого развития экономики природно-ресурсных регионов [25–27].

Научно-технологические факторы также претерпевают существенные изменения. Для обеспечения социально-экономического развития необходимы научно-технологические и организационно-экономические решения принципиально нового качества. По мнению китайских специалистов, новым реалиям в большей степени соответствует термин “новое качество производительных сил” (*new quality of productive forces – NQPF*). Это признак того, что страна движется в направлении передовых технологий и инноваций как новых факторов роста экономики [28]. Достижение *производительных сил нового уровня* не только меняет картину занятости в стране и динамику технологического развития, но и существенно трансформирует цепочки формирования добавленной стоимости (ценности) во многих секторах национальной экономики.

Ориентация регионов на современную диверсификацию хозяйства состоит в выходе за рамки эндогенных процессов анализа и проектирования [29, 30]. Исследования в рамках современной

эволюционной экономической географии убедительно показали, что в целом ряде случаев регионы могут создавать новые отрасли промышленности, которые не связаны с уже имеющимися [31]. Один из ключевых факторов несвязанной (неэндогенной) диверсификации – межрегиональные связи, которые могут содействовать получению необходимых активов и ресурсов. К их числу относятся прежде всего знания и инвестиции [32, 33].

Сложность современных экономических, социальных и научно-технологических процессов может быть операционально представлена в рамках *сетевых структур взаимодействий и подходов* к проектированию пространственного развития. При этом чрезвычайно важно понимать роль исторических и природных условий при формировании того или иного экономического ландшафта [34]. Экономические сети (сосредоточение взаимосвязанных функций и операций, с помощью которых производятся товары и услуги, а также распределяются, поставляются и потребляются товары) в современных условиях стали организационно более сложными, кроме того, они географически расширились. Такие сети не только интегрируют компании в структуры, которые преодолевают традиционные организационные рамки благодаря разным формам экономических контактов, но и объединяют национальные экономики или их части в направлении, которое имеет колоссальное влияние на динамику социально-экономического развития.

Следующий шаг в проектировании направлений пространственного развития может состоять в *детализации фрагментов сетевых структур*. В работах [35, 36] описаны пространства возможностей (*opportunity space*) с точки зрения реализации тех или иных направлений развития в конкретное время и при определённых обстоятельствах. По мнению авторов, данное пространство отражает не только реализованные, но и потенциальные возможности. Сделан вывод, что пространство возможностей носит многоуровневый характер при решении проблем регионального развития. Оно реализуется:

- в рамках конкретного времени, с учётом имеющихся знаний, системы институтов и ресурсов;
- в определённых региональных рамках, то есть позволяет определить, что достижимо с учётом наличествующих предпосылок;
- в рамках определённой институциональной системы.

Одна из основных целей современной пространственной политики состоит в создании резильентного общества¹, которое было бы более инновационным, социально и регионально ориентированным и экологически устойчивым [37]. В работе Р. Бош-

¹ Резильентность (от англ. *resilience* – упругость, эластичность, устойчивость) – способность справляться со сложностями, переживать их и восстанавливаться.

мы [38] предложено эволюционное определение региональной резильентности и устойчивости как непрерывной адаптации. В то время как адаптация в её каноническом смысле ориентирована на воспроизводство ранее реализованных процессов, адаптивность представляет собой трансформационные изменения посредством прорывных инноваций и нового индустриального развития.

Современные исследования проблем пространственного развития позволяют по-новому оценить положение дел в данной области. К числу важнейших научно-технологических задач можно отнести:

- содействие в достижении основных целей в области научно-технического суверенитета (оборона, безопасность и здоровье населения);
- поддержание конкурентоспособности национальной экономики в долгосрочной перспективе, прежде всего в критически важных отраслях и сферах;
- активное воздействие на процессы инновационного развития как в экономике, так и в социальной сфере.

Пандемия COVID-19, показавшая ненадёжность международных цепочек поставок, а также рост геополитической напряжённости в мире, заставила многие страны перейти от глобализации “точно в срок” к глобализации “на всякий случай” [39]. Доминирование принципов международной открытости на протяжении десятилетий привело к высокой зависимости стран друг от друга. В настоящее время в государственных программах ЕС и США наблюдается стремление к ослаблению структурных внешних зависимостей, обеспечению устойчивости цепочек поставок [40, 41] и достижению большего суверенитета в ключевых отраслях экономики [42, 43].

Примерами служат Закон о чипах (США) [44], Закон о сырье (ЕС) [45] и канадская программа “Суперкластер” [46]. Новая промышленная политика ведущих экономик мира всё чаще рассматривается в сочетании с вопросами регионального развития. Сохранение сильного межрегионального неравенства [47] подтверждает ограниченность и неэффективность пространственно-нейтральной политики, которую в течение длительного времени пропагандировал Всемирный банк [48]. Предположение о том, что меры, направленные на содействие предпринимательству, приведут к региональной конвергенции [49], а результаты поддержки городов и агломераций распространятся на периферию [50], не подтвердилось.

В настоящее время локально-адресная техническая и промышленная политика, предусматривающая расширение государственного участия в управлении региональным развитием, находит больше поддержки и среди исследователей [43, 51], и среди политиков [52].

Проблемы пространственного развития России.

К числу наиболее острых проблем, на наш взгляд, относятся: сильное межрегиональное неравенство в производительности труда и уровне доходов; концентрация населения и экономической активности в крупнейших агломерациях при одновременном опустошении социально-экономической сферы периферии; устойчивая миграция населения с востока на запад [53, 54]. Всё это ведёт к деградации системы расселения, выбытию земель из сельскохозяйственного оборота, потере многими исторически освоенными территориями социально-экономического облика и превращению их в пустующие анклавы. Сокращение поселенческой сети повлекло за собой сворачивание социально-инженерной инфраструк-

Рис. 1. Плотность населения в муниципалитетах РФ (без учёта Крыма и новых регионов в связи с отсутствием полных данных), человек на км²

туры – учреждений социального профиля, образования, здравоохранения и культуры. На востоке, где плотность населения низкая, эти процессы приводят к тому, что система расселения в ряде районов становится очаговой. Миграционные тенденции ещё больше усиливают дисбаланс между спросом и предложением трудовых ресурсов в европейской и азиатской частях страны (рис. 1).

Помимо дефицита кадров на востоке, сдерживающим фактором выступает *нарастающая фрагментация на юге и севере*. Человеческий, промышленный и инфраструктурный потенциал макрорегиона сконцентрирован главным образом на юге. При этом крупные ресурсные и геополитические проекты, реализуемые частными компаниями и претендующие на значительные объёмы государственного финансирования, расположены преимущественно на севере и в Арктической зоне РФ. Усиливается очевидный пространственный разрыв между индустриально развитым югом с пока ещё относительно диверсифицированной научной, производственной, технологической и учебной базой с крупными городами (рис. 2) и развитой сервисной экономикой и сырьевым севером – ресурсными территориями, где функционируют и планируются к реализации крупные инвестиционные проекты. Относительная диверсификация экономики обусловлена тем, что за прошедшие 30 лет в ведущих индустриальных центрах востока, в том числе Сибири, прекратили работу (как правило, с последующей утратой промышленных активов) многие предприятия машиностроения, а также произошёл глубокий передел природных ресурсов.

В результате север и юг восточной части страны разделены малообжитыми территориями, где

отсутствует сеть железных дорог, нет стабильного автомобильного сообщения (из-за сезонности многих дорог), а водные пути претерпели значительные изменения как состава транспортируемых грузов, так и численности и качественных характеристик флота основных и вспомогательных судов.

Несмотря на отмеченные выше особенности, по-прежнему уделяется недостаточно внимания развитию экономического и индустриального потенциала (например, в контексте современных средств диверсификации региональной экономики) южных территорий как опорных, обслуживающих и сервисных зон для реализации северных и арктических проектов. Наиболее эффективным представляется системный подход на основе создания и реализации современных эффективных методов индикативного планирования пространственного развития. Полноценное использование экономического потенциала экономики востока возможно только в рамках макрорегиона в целом. Южный промышленный пояс, имеющий высокую плотность населения, хорошую транспортную и социальную инфраструктуру, благоприятные климатические условия, широкую научно-образовательную сеть, относительно высокий промышленный и сельскохозяйственный потенциал, служит центром инновационного развития, транслируя результаты в технологические и управленческие решения, востребованные на территории всего макрорегиона.

С одной стороны, при эксплуатации и освоении ресурсов арктических и северных месторождений необходимо учитывать предложения промышленного, аграрного, сервисного и научного секторов Южного пояса. С другой стороны, экономика,

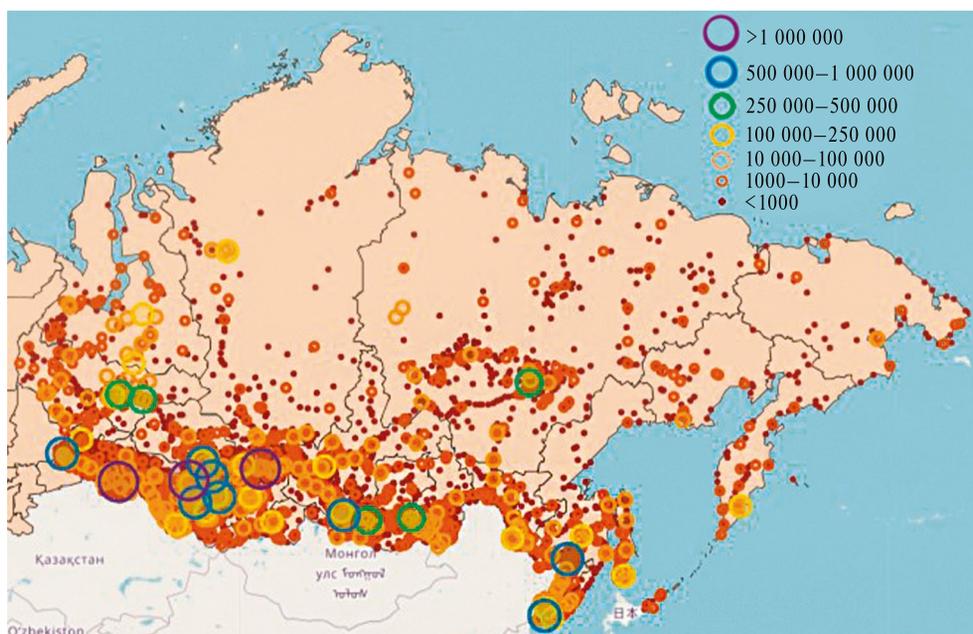

Рис. 2. Распределение и размер населённых пунктов Азиатской части России

технологические разработки и компетенции предприятий и организаций юга должны реагировать на спрос северных ресурсных регионов, предоставлять конкурентоспособные продукцию и услуги. Важную роль играет та институциональная среда, в рамках которой может быть сформировано и реализовано новое пространство возможностей. Основу данной среды составляют процедуры и подходы, нацеленные на привлечение компаний-природопользователей к развёртыванию современных инновационных производств на севере и юге. При этом речь идёт не о директивном планировании, а, скорее, о гражданско-правовых процедурах достижения и реализации обязательств, принятых на себя государством и бизнесом.

Вполне ожидаемо, что межрегиональное неравенство, фрагментация экономического пространства и транспортной инфраструктуры сдерживают межрегиональное и межмуниципальное взаимодействие, которое сталкивается не только с физическими, но и с институциональными барьерами. Недостаточная или крайне низкая инфраструктурная обустроенность регионов негативно сказывается на *связанности экономического пространства*. Это в свою очередь закрепляет и усиливает устойчивые межрегиональные социально-экономические различия. Проблемы пространственного развития приводят к существенному ослаблению синергии экономических, социальных и научно-технических потенциалов как отдельных регионов, так и страны в целом.

Масштабы и эффективность взаимодействия южных и северных территорий, наряду с решением вопросов развития транспортной инфраструктуры, зависят от согласованности и синхронизации во времени структурной и промышленной политики. Данные вопросы находят отражение и в документах стратегического планирования, и в тех сетевых структурах, которые призваны содействовать эффективному сотрудничеству участвующих сторон. В разработке документов необходимо на федеральном уровне учитывать неравномерность пространственного развития, угрозы появления больших мёртвых зон, глобальный характер современных природных процессов, масштабы освоения минерально-сырьевых и биологических ресурсов, районообразующую роль энергетической и транспортной инфраструктуры. Решение этих проблем особенно актуально в природно-ресурсном секторе хозяйства.

Задачи пространственного развития Российской Федерации. Как отмечалось выше, ключевой элемент современной промышленной политики — её движение по инновационной траектории [55]. В основе лежит не только развитие науки и образования, но и формирование горизонтальных взаимосвязей между предприятиями, академическими учреждениями, вузами и технопарками. Отличительная

черта нашей страны — уникальность природных условий, жизни и деятельности в различных регионах. В связи с этим при определении направлений развития науки и технологий необходимо учитывать роль и значение различных городов и поселений.

Например, ведущие научно-индустриальные центры (особенно на востоке) имеют все предпосылки стать точками сосредоточения фундаментальной науки и академического образования, генерации общих знаний, а города и населённые пункты, тяготеющие к определённым центрам промышленной и природно-ресурсной деятельности, — центрами аккумуляции и развития прикладных знаний и навыков. Населённые пункты, имеющие ярко выраженную устойчивую экономическую специализацию, могут (и это им вполне по силам) стать центрами развития навыков и умений. Все центры генерации, накопления и распространения знаний и навыков не способны работать эффективно вне отмеченных выше сетевых форм кооперации и взаимодействия.

Субъекты РФ, формулируя промышленную политику, решают и локальные, и общенациональные задачи; при этом нужно достичь согласованности региональной и федеральной политики. Меры государственной поддержки реализации промышленной политики на региональном уровне разнообразны, но при отсутствии увязки на всех уровнях возможны такие негативные эффекты, как рассогласованность выполнения проектов в области производства и инфраструктуры, дублирование регулирующих мер. Важны синхронизация и взаимодополняемость федеральных и региональных мер стимулирования промышленности — сначала для воссоздания каркаса системообразующих предприятий, а затем для диверсификации в направлении дальнейшего усложнения системы связей в промышленности и экономике конкретного региона.

Каждый регион имеет собственные черты и особенности с точки зрения этапа становления и роста промышленности и экономики (особенно после штормовых 1990–2000-х годов), а также предпочтительной системы связей и взаимодействий с другими регионами. Основные проблемы и подходы к пространственному развитию страны определяет соответствующая общегосударственная стратегия [56]. Региональное правительство разрабатывает и принимает собственный стратегический документ. При этом большую роль играют наличие проектов и мероприятий федерального (общерегionalного) характера на территории того или иного региона, а также уровень полномочий и возможностей для организации и осуществления собственных мер. В настоящее время полномочия и возможности регионов нельзя признать достаточными, например, при определении условий развития смежных и сервисных отраслей и производств в сфере природо- и недропользования.

Очевидно, что промышленность регионов и модернизация её структуры не могут рассматриваться в отрыве от передовых научных и научно-технологических разработок, расширения наукоёмкого инновационного бизнеса во всех отраслях и комплексах, что предполагает горизонтальное взаимодействие научных, технологических и инжиниринговых центров самого разного уровня. Мы считаем, что приоритет научно-технологического обеспечения реализации Стратегии пространственного развития позволит преодолеть устоявшийся в региональной политике принцип поляризованного развития. Именно наука и современные технологии лежат в основе повышения качества жизни путём увеличения числа высокотехнологичных рабочих мест в самых удалённых населённых пунктах.

Приоритеты и инструменты Стратегии пространственного развития России. Обширная территория России – это не проблема, а преимущество, источник возможностей для пространственных и экономических манёвров. Однако концентрация экономической деятельности в ограниченном числе населённых пунктов обуславливает сжатие человеческой деятельности, и большая площадь становится бременем, а не фактором роста. К числу механизмов трансляции импульсов развития, генерируемых крупными городами и опорным каркасом, относятся отмеченные выше *цепочки формирования стоимости* (социальной ценности). В основе институтов и механизмов пространственной политики лежат выявление, создание и активное использование уникальных самостоятельных источников роста средних и малых городов и сельских поселений, сохранение и приращение человеческого капитала в них, разнообразие образа жизни населения.

Только так стратегия, ориентированная на изменение трендов развития и стимулирование деловой активности регионов, позволит им выработать собственные модели, отвечающие современным вызовам и угрозам, опирающиеся на эффективные методы регионального и муниципального управления, на новые формы и механизмы сотрудничества центра и регионов, власти, бизнеса и населения, справедливые и эффективные подходы к недропользованию, сочетание сырьевого и инновационного путей развития. Это даст возможность активизировать научно-технический, образовательный и инновационный потенциал страны.

Стратегия служит основой научно-технологического взаимодействия территорий, экономических секторов и проектов. На федеральном и межрегиональном уровнях приоритетами пространственной и промышленной политики, несомненно, являются крупные комплементарные инвестиционные проекты, создающие длинные цепочки межрегиональных межотраслевых кооперативных связей внутри страны, обеспечивающие положительный эффект мультипликатора и генерирующие в результате

мощный импульс роста. На наш взгляд, необходимы не поддерживающие вливания в ограниченный круг опорных населённых пунктов, а продуманная политика, учитывающая взаимодействие всех секторов. Крупные инвестиции, включая инфраструктурные, требуют тщательного подхода к их распределению с учётом текущей и будущей роли в экономике тех или иных регионов. Только так можно добиться динамичного и сбалансированного развития.

На наш взгляд, предпочтения населённым пунктам пространственного каркаса в условиях доминирования конкуренции над межрегиональной и муниципальной кооперацией только усиливают неравенство и поляризацию социально-экономического развития. Безусловный приоритет имеет повышение степени интегрированности, связанности и сбалансированности территории России на основе интенсификации межрегиональных связей и снижения меж- и внутрирегиональной социально-экономической дифференциации, а также усиление конкурентоспособности регионов за счёт их инновационной модернизации.

Цель Стратегии пространственного развития Российской Федерации – переход от локализованных центров к пространственно-распределённым цепочкам создания стоимости и получения социально-экономических эффектов. Место и роль опорных зон должны рассматриваться и оцениваться только в рамках развития территорий, где размещаются производители оборудования и поставщики производственных наукоёмких услуг, а также регионов, обеспечивающих переработку и получение продукции с повышенной добавленной стоимостью. Перечислим ключевые задачи стратегии:

- изменение трендов пространственного развития, создание новых моделей, отвечающих современным вызовам и угрозам;
- отказ от поляризованного и фрагментарного развития;
- переход от локализованных центров к пространственно-распределённым цепочкам формирования стоимости и получения социально-экономических эффектов;
- повышение устойчивости системы расселения, сбалансированное развитие городов и сёл;
- преодоление инфраструктурных ограничений транспорта, энергетики и телекоммуникации, повышение интегрированности, связанности и сбалансированности пространства РФ благодаря современной инфраструктуре коммуникаций и интенсификации межрегиональных связей;
- создание условий для синергии научно-технического потенциала территорий, роста конкурентоспособности российских регионов (за счёт их технологической и инновационной модернизации, а также путём консолидации взаимодействия);

- пространственное развитие на основе крупных комплементарных наукоёмких и технологических инвестиционных проектов, формирующих длинные цепочки межрегиональных, межотраслевых, кооперативных связей внутри страны, запускающих мультипликатор роста и импульс развития [57];

- совершенствование системы оказания услуг населению и бизнесу, обеспечение их доступности на любой территории, преодоление пространственной дискриминации.

Стратегия — это не только принципы и рамочное представление пространственной политики. Это прежде всего *основа институциональных преобразований и механизмов управления* развитием стратегически важных территорий России, в первую очередь Сибири, Дальнего Востока и Арктической зоны. Освоение минерально-сырьевых ресурсов востока должно опираться, во-первых, на современную отечественную технику, технологии и услуги наукоёмкого характера, во-вторых, на получение и реализацию продуктов с повышенной добавленной стоимостью при постоянном наращивании объёмов переработки внутри страны. Это предполагает скоординированное улучшение опорных зон — центров производства оборудования и получения высокоэффективных продуктов.

Раскрытие потенциала российской территории возможно только путём глубокого изучения её специфики, конкурентных преимуществ и ограничений. Политика, ориентированная на извлечение выгод из пространственного манёвра и разнообразия, должна опираться на изменение экономических аспектов федеративных отношений. Региональный и муниципальный уровни — полноправные участники процесса разработки моделей и инструментов развития городов и районов, которые располагают полномочиями и финансовыми ресурсами, достаточными для стимулирования экономической активности, управления ею. Решение задач пространственного развития России непосредственно связано с совершенствованием вертикальных и горизонтальных федеративных отношений.

Мы считаем, что *умеренная децентрализация управления* пространственным развитием будет способствовать реформированию и модернизации. Дополнительные ресурсы, которые даёт федерализм, связаны со стимулированием инноваций, снижением затрат на их генерацию, а также с возрастающей нагрузкой социальных программ. Децентрализация регулирования расширяет поле институционального эксперимента и управленческих инноваций, адаптированных к специфике территорий. При этом происходят локализация издержек, отработка механизмов реализации, накопление опыта инициатив и тиражирование удачных решений. Эффективность социальной поддержки населения и сбережение человеческого капитала могут быть обеспечены только адресностью и обоснованностью соответствующих

мер, что даёт им преимущество с учётом значительной информационной асимметрии в пользу региональных органов власти.

Решение перечисленных задач предполагает формирование портфеля *стратегических импульсных инвестиционных проектов* межрегионального и межотраслевого характера, составляющих основу эффективного экономического взаимодействия регионов страны. Такую функцию может взять на себя Генеральное агентство национального развития, интегрирующее соответствующие функции Агентства стратегических инициатив и Национального агентства развития территорий. Реализация крупных проектов предусматривает государственную поддержку в виде налоговых и неналоговых льгот и специальных режимов функционирования и преференций. В отдельных случаях целесообразно учреждать специальные институты — консорциумы для ведения комплементарных мегапроектов. Важно формировать общую благоприятную институциональную среду, ликвидировать административные и законодательные ограничения, поддерживать проекты, некоммерческие организации и инициативы межрегиональной и межмуниципальной кооперации и сотрудничества. Устранение физических барьеров между экономическими агентами требует развития транспортной инфраструктуры и формирования современной системы коммуникаций для бизнеса и населения.

Ключевую роль в использовании возможностей российских территорий и освоении природно-ресурсного потенциала регионов играет национальная инновационная система, включающая науку, высшее образование и центры технологического развития. В связи с этим важнейшим элементом Стратегии пространственного развития России выступает система государственной поддержки сети инновационных и научных организаций, расширение исследовательской инфраструктуры, создание центров коллективного пользования, экспериментального производства и инжиниринга.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крюков В.А., Токарев А.Н.* Нефтегазовый сервис: от мирового контекста к локальным знаниям и эффектам // ЭКО. 2024. № 2. С. 8–28.
Kryukov V.A., Tokarev A.N. Oil and gas service: from the world context to local knowledge and effects // ECO. 2024, no. 2, pp. 8–28. (In Russ.)
2. *Крюков В.А.* Сырьевые территории в новой институциональной реальности // Пространственная экономика. 2014. № 4. С. 26–60.
Kryukov V.A. Resource territories in the new institutional reality // Spatial Economics. 2014, no. 4, pp. 26–60. (In Russ.)
3. *Крюков В.А.* Политика индустриализации — в поисках фарватера между Сциллой комбинирования

- и Харибдой согласования / Индустриальное развитие России: этапы, особенности, перспективы изучения: сб. науч. трудов. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2024. С. 26–43.
- Kryukov V.A.* Industrialization policy – in search of a fairway between Scylla of combination and Charybdis of coordination / Industrial development of Russia: stages, features, prospects of study: a collection of scientific papers. Novosibirsk: IPC NSU, 2024. Pp. 26–43. (In Russ.)
4. *Millot V., Rawdanowicz L.* The return of industrial policies: Policy considerations in the current context // *Economic OECD Policy Paper*. 2024, no. 34, pp. 8–42.
  5. *Zhang J., Teng T., Wang T., Zeng G.* The Path Innovation of Regional Economic Growth: Data Analysis Based on China // *Journal of the Knowledge Economy*. 2024. DOI: 10.1007/s13132-024-01847-7
  6. *Bathelt H., Malmberg A., Maskell P.* Clusters and knowledge: Local buzz, global pipelines and the process of knowledge creation // *Progress in Human Geography*. 2004, vol. 28 (1), pp. 31–56.
  7. *Baumgartinger-Seiringer S., Fuenfschilling L., Miörner J., Trippel M.* Reconsidering regional structural conditions for industrial renewal // *Regional Studies*. 2022, vol. 56 (4), pp. 579–591.
  8. *Bing S.H., Danni S., Zhaodui S.H.* Global value chain, national value chain and economic growth: Substitution or complementarity // *The Journal of World Economy*. 2020, vol. 43 (4), pp. 3–27.
  9. *Basilico S.* Holger Graf Bridging technologies in the regional knowledge space: measurement and evolution // *Journal of Evolutionary Economics*. 2023, vol. 33, pp. 1085–1124.
  10. *Hausmann R., Klinger B.* The structure of the product space and the evolution of comparative advantage // *Technical Report 146*. Center for International Development at Harvard University, 2007.
  11. *Graf H.* *Networks in the Innovation Process: Local and Regional Interactions*. Cheltenham: Edward Elgar, 2006.
  12. *Pavitt K.* Patent statistics as indicators of innovative activities: Possibilities and problems // *Scientometrics*. 1985, vol. 7, pp. 77–99.
  13. *Jaffe A.B.* Characterizing the “technological position” of firms, with application to quantifying technological opportunity and research spillovers // *Res. Policy*. 1989, vol. 18 (2), pp. 87–97.
  14. *Bresnahan T.F.* *General Purpose Technologies // Handbook of the Economics of Innovation*. 2010, vol. 2, pp. 761–791.
  15. *Posada J. et al.* Visual Computing as a Key Enabling Technology for Industrie 4.0 and Industrial Internet // *IEEE Comput. Graph. Appl.* 2015, vol. 35 (2), pp. 26–40.
  16. *Kogler D.F., Rigby D.L., Tucker I.* Mapping knowledge space and technological relatedness in US cities // *Eur. Plan. Stud.* 2013, vol. 21 (9), pp. 1374–1391.
  17. *Hidalgo C.A., Klinger B., Barabasi A.L., Hausmann R.* The Product Space Conditions the Development of Nations // *Science*. 2007, vol. 317 (5837), pp. 482–487.
  18. *Frenken K., Neffke F., van Dam Capabilities A.* Institutions and regional economic development: a proposed synthesis // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2023, vol. 16, pp. 405–416.
  19. *Крюков В.А., Селиверстов В.Е.* Пространство и экономика Сибири: от изучения особенностей развития к проектированию направлений роста социальной ценности // *Проблемы прогнозирования*. 2022. № 5. С. 33–42.
  - Kryukov V.A., Seliverstov V.E.* Space and economy of Siberia: from the study of development features to the design of directions of social value growth // *Problems of forecasting*. 2022, no. 5, pp. 33–42. (In Russ.)
  20. *Balland P.-A., Boschma R., Crespo J., Rigby D.L.* Smart specialization policy in the European Union: relatedness, knowledge complexity and regional diversification // *Regional Studies*. 2019, vol. 53, pp. 1252–1268.
  21. *Davies B., Mare D.C.* Relatedness, complexity and local growth // *Regional Studies*. 2021, vol. 55, pp. 479–494.
  22. *Mewes L., Brekel T.* Technological complexity and economic growth of regions // *Research Policy*. 2022, vol. 51, 104156.
  23. *Rigby D.L., Roesler C., Kogler D. et al.* Do EU regions benefit from Smart Specialisation principles? // *Regional Studies*. 2022, vol. 56, pp. 2058–2073.
  24. *Heim I., Kalyuzhnova Ye., Ghobadian A.* Win-win strategies for firms operating in resource-abundant countries: Technological spillovers and a collaborative diversification policy // *Resources Policy*. 2023, vol. 83, 103578.
  25. *Bastida A.E.* From extractive to transformative industries: paths for linkages and diversification for resource-driven development // *Mineral Economics*. 2014, vol. 27 (2–3), pp. 73–87.
  26. *Doring T., Schnellenbach J.* What do we know about geographical knowledge spillovers and regional growth? A survey of the literature // *Regional Studies*. 2006, vol. 40 (3), pp. 375–395.
  27. *Katz J., Pietrobello C.* Natural resource-based growth, global value chains and domestic capabilities in the mining industry // *Resources. Policy*. 2018, vol. 58, pp. 1–20.
  28. *Zhang L.* Understanding the new quality productive forces in the energy sector // *Energy Nexus*. 2024, vol. 16, 100352.
  29. *He C., Ren Zh., Zhu Sh., Hu X.* Temporary extra-regional linkages and export product and market

- diversification // *Regional Studies*. 2022, vol. 57 (1), pp. 1–14.
30. *Boschma R.* Proximity and innovation: A critical assessment // *Regional Studies*. 2005, vol. 39 (1), pp. 61–74.
31. *MacKinnon D., Dawley S., Pike A., Cumbers A.* Rethinking path creation: A geographical political economy approach // *Economic Geography*. 2019, vol. 95 (2), pp. 113–135.
32. *Binz C., Truffer B., Coenen L.* Path creation as a process of resource alignment and anchoring: Industry formation for on-site water recycling in Beijing // *Economic Geography*. 2016, vol. 92 (2), pp. 172–200.
33. *Trippl M., Grillitsch M., Isaksen A.* Exogenous sources of regional industrial change: Attraction and absorption of non-local knowledge for new path development // *Progress in Human Geography*. 2018, vol. 42 (5), pp. 687–705.
34. *Yeung H.W.* Drivers of Globalization: An Evolutionary Perspective on Firm-State Relations in the Asian Newly Industrialized Economies // *Papers in Evolutionary Economic Geography*. 2009, 09.20.
35. *Grillitsch M. et al.* Patterns of opportunity spaces and agency across regional contexts: Conditions and drivers for change // *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2024, pp. 1–25. DOI: 10.1177/0308518X241303636
36. *Grillitsch M., Sotarauta M.* Trinity of change agency, regional development paths and opportunity spaces // *Progress in Human Geography*. 2020, vol. 44 (4), pp. 704–723.
37. *Asheim B.T., Herstad S.J.* Regional innovation strategy for resilience and transformative industrial path development: evolutionary theoretical perspectives on innovation policy // *Eastern Journal of European Studies*. 2021, vol. 12 (SI). DOI: 10.47743/ejes-2021-SI03
38. *Boschma R.* Towards an Evolutionary Perspective on Regional Resilience // *Regional Studies*. 2015, vol. 49 (5), pp. 733–751.
39. *Brakman S., Garretsen H., van Witteloostuijn A.* The turn from just-in-time to just-in-case globalization in and after times of COVID-19: An essay on the risk re-appraisal of borders and buffers // *Social Sciences & Humanities Open*. 2020, vol. 2 (1), 100034.
40. *Aiginger K., Rodrik D.* Rebirth of industrial policy and an agenda for the twenty-first century // *Journal of Industry, Competition and Trade*. 2020, vol. 20 (2), pp. 189–207.
41. *Rodrik D.* Industrial policy for economic development // *VoxDevTalk*. Podcast. <https://voxdev.org/topic/macroeconomics-growth/industrial-policy-economic-development> (дата обращения 24.12.2024).
42. *Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T.* Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy: Defining rationales, ends, and means // *Research Policy*. 2023, vol. 52 (6), 104765.
43. *Trippl M. et al.* Addressing the regional dimension of open strategic autonomy and European green industrial policy. Publications Office of the European Union, 2024.
44. *Luo Y., Van Assche A.* The rise of techno-geopolitical uncertainty: Implications of the United States CHIPS and Science Act // *Journal of international business studies*. 2023, vol. 54 (8), pp. 1423–1440.
45. *Hool A., Helbig C., Wierink G.* Challenges and opportunities of the European critical raw materials act // *Mineral Economics*. 2024, vol. 37 (3), pp. 661–668.
46. *Doloreux D., Frigon A.* The innovation superclusters initiative in Canada: A new policy strategy? // *Science and Public Policy*. 2022, vol. 49 (1), pp. 148–158.
47. *Rodríguez-Pose A.* The revenge of the places that don't matter (and what to do about it) // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2018, vol. 11 (1), pp. 189–209.
48. *Мельникова Л.В.* “Пространственно-нейтральная” и “локально-адресная” региональная политика: проблемы выбора // *Регион: экономика и социология*. 2014. № 1. С. 64–85.
Melnikova L.V. “Spatial-neutral” and “local-address” regional policy: problems of choice // *Region: economics and sociology*. 2014, no. 1, pp. 64–85. (In Russ.)
49. *Rey S., Janikas M.* Regional convergence, inequality, and space // *Journal of Economic Geography*. 2005, vol. 5 (2), pp. 155–176.
50. *MacKinnon D. et al.* Reframing urban and regional ‘development’ for ‘left behind’ places // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2022, vol. 15 (1), pp. 39–56.
51. *Johnston A., Huggins R.* Europe’s semiconductor industry at a crossroads: Industrial policy and regional clusters // *European Urban and Regional Studies*. 2023, vol. 30 (3), pp. 207–213.
52. The Biden administration embraces place-based industrial policy. <https://www.economist.com/united-states/2023/07/27/the-biden-administration-embraces-place-based-industrial-policy> (дата обращения 24.12.2024).
53. *Буфетова А.Н.* Пространственное распределение экономической активности в России: основные тенденции постсоветского периода. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2023.
Bufetova A.N. Spatial distribution of economic activity in Russia: main trends of the post-Soviet period. Novosibirsk: IEIE SB RAS, 2023. (In Russ.)
54. *Коломак Е.А.* Пространственное развитие России в XXI в. // *Пространственная экономика*. 2019. № 4. С. 85–106.
Kolomak E.A. Spatial development of Russia in the XXI century // *Spatial Economics*. 2019, no. 4, pp. 85–106. (In Russ.)

55. Федеральный закон от 28.12.2024 г. № 523-ФЗ “О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”. <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280025?ysclid=m5yrdj8ln7751502867> (дата обращения 24.12.2024).
Federal Law of 28.12.2024 no. 523-FZ “On Technological Policy in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”. (In Russ.)
56. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 г. № 4146-р “Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года”. <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202501060001> (дата обращения 24.12.2024).
Order of the Government of the Russian Federation of December 28, 2024, no. 4146-r “On Approval of the Strategy of Spatial Development of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2036”. (In Russ.)
57. Новый импульс Азиатской России: источники и средства развития: в 2-х т. Т. 1 / Под ред. В.А. Крюкова, Н.И. Сулова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2023.
New Impulse of Asian Russia: Sources and Means of Development: in 2 vols. Vol. 1 / Ed. by V.A. Kryukov, N.I. Suslov. Novosibirsk: IEIE SB RAS, 2023. (In Russ.)

STRATEGY OF RUSSIA’S SPATIAL DEVELOPMENT IN A TURBULENT WORLD: GOALS, PRIORITIES, KEY APPROACHES

V.A. Kryukov^{a,*}, E.A. Kolomak^{a,**}

^a*Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia*

^{*}*E-mail: kryukov@ieie.nsc.ru*

^{**}*E-mail: ekolomak@academ.org*

Currently, a very complex and multidimensional transformation of the socio-economic system of Russia is taking place. According to the authors, its essence is to find an acceptable combination of the unique conditions and features that our country possesses. Vast territories significantly affect all major economic and social processes: from the interaction of economic agents and infrastructure development directions to the formation of specific types of economic activities. The hasty and uncritical borrowing of experience in solving issues from other countries has exacerbated many problems of Russia’s spatial development. That is why, in today’s conditions of high geopolitical tension and increasing complexity of supply chains, it is important to combine spatial, technological and industrial policies. Strategic documents in the field of spatial development should reflect approaches and mechanisms that ensure the synergetic interaction of the socio-economic systems of the regions.

Keywords: spatial development, regional socio-economic systems, spatially distributed value chains, synergetic effects of interaction, spatially distributed value chains, synergetic effects of interaction.